

Понедельник начинается с похмелья; герой бежит прочь от рутины. Кадр из фильма.

Фото получено по каналам интернета

Отар Иоселиани ставит точку

В своем новом фильме «Утро понедельника» режиссер прекращает поиски счастья

Независимая - 2002 - 11 дек. - с. 8

Екатерина Барабаш

Конечно, Отар Иоселиани снимет еще много фильмов – во Франции, куда он много лет назад уехал после проволочек и неприятностей с картиной «Пастораль» – лирической и злой притчей о том, что никакой единой общности «советский народ» в природе не существует. Есть разные кучки людей – классы, прослойки и т.п., живущие по своим законам, и крестьянину вовек не понять музыканта, равно как и наоборот. Это было двадцать лет назад, и с тех пор самый грузинский режиссер Франции приезжает на родину, как правило, чтобы представить очередную картину, снятую во Франции. Недавно он приезжал в Москву, чтобы представить новый фильм «Утро понедельника», получивший на последнем Берлинском фестивале «Серебряного медведя» за режиссуру.

Так вот, с чего начали. Конечно, Иоселиани снимет еще много фильмов. Но «Утро понедельника» – это работа, которой он словно подводит черту. «Утро понедельника» – своего рода точка в поисках выхода из опустыленного однообразия жизни. В прошлом фильме, «In vino veritas!», герои садятся в лодку под белоснежным парусом и уплывают в рериховскую синеву моря – без денег, без планов, зато с мешком вина и одуревшие от

свободы. Кто знает – может, их накроет первая же буря, а может, они встретят красавиц русалок, с которыми сказочно проведут остаток жизни. В любом случае главное – бежать, не сидеть на месте, искать выход из этой опутавшей тебя серой паутины жизни. Бегите, милые, бегите. Все равно вернетесь. Потому что выхода нет. И не будет. Сели спокойно и продолжаем жить, как жили. Нет смысла метаться. Даже для затаившегося пессимиста, каким до сих пор представлялся Отар Иоселиани, слишком определенно и неожиданно...

Немолодой рабочий Венсан работает сварщиком на заводе. На заводе все регламентировано, висят таблички – это запрещено, этого нельзя, это по специальному пропуску, не бегать, не кричать и т.п. После работы Венсан садится в автобус, потом – на электричку, откуда пересаживается на машину-развалуху и является домой, где его ждут дети, которым на него плевать, очень толстая жена, парочка слегка выживших из ума старух, ужин и ускоренный секс перед сном с толстой женой. В одно похмельное утро, дойдя до ворот завода, Венсан поворачивает обратно, садится в поезд и уезжает в Венецию в поисках выхода из рутины. Ах, как там чудно! Какие люди, какое вино! («У нас вино имеет только гастрономические функции, а у вас – духов-

ные!» – говорит восхищенный Венсан.) Каким духом свободы веет от тухлых вод Венеции!

Но что за казус, неужели в божественной Италии, в Венеции (!) такие же мерзкие заводы, с такими же точно воротами, на которых (но тут – по-итальянски) черным по белому прописано не курить, не кричать, не бегать, вход с собаками запрещен и т.д.? А восхитительные духовные функции вина наутро оборачиваются тупой головной болью? И жена нового приятеля

умеет придать неосязаемую, невидимую, неслышную, но при этом – парадокс – абсолютно улавливаемую всеми органами чувств поэтическую интонацию. Казалось бы, ничего не делая для того, чтобы зритель грустил, когда герои на экране веселятся, режиссер на два часа превращает зрителя в мудрого, всепонимающего наблюдателя. Печальная поэзия неизбежной рутины словно медными колокольчиками звенит в ушах – жизнеутверждающей поэзии

Жизнеутверждающей поэзии Отар Иоселиани, похоже, уже не знает

ворчит точно так же, как любая другая – хоть тебе французская, хоть грузинская, хоть эскимосская, если муж слишком много внимания уделяет духовным и гастрономическим функциям вина. Что делать блудному сыну? Только, вернувшись в родную деревню, припасть к толстой жене – и повторится все, как встарь. Куда ж нам плыть?

Никто, как Иоселиани, не умеет так вдохнуть жизнь в самое скучное течение жизни на экране. Никто так, как он, не

Отар Иоселиани, кажется, попросту не знает.

Да, конечно, он снимет еще кино. Наверняка это будет хорошее кино. Но, похоже, на сегодняшний день Иоселиани закрыл для себя вопрос «где искать счастья?», последним своим фильмом не согласившись с великим поэтом, утверждавшим, что «на свете счастья нет, но есть покой и воля». Может, скучный и затхлый покой нам обеспечен, но при чем тут воля? Скучно на этом свете, господа. ■